

ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПОСТСОВРЕМЕННУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, Алтайский
государственный педагогический университет
(г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

TEMPORAL ASPECTS OF HUMAN EXISTENCE: THE TRANSFORMATION OF CLASSICAL CONCEPTS INTO A POSTMODERN REALITY

V. Skopa

Summary: Human existence is organized through a complex network of chronological parameters that have undergone fundamental reinterpretations throughout the development of philosophical discourse. The movement from the unified views of the classical period to the variable models of our era reveals dramatic reorientation in the interpretation of the essence of being. The pre-modern philosophical period has developed rigid paradigms for understanding chronology based on the principles of sequence, networks of interdependencies and universal patterns of evolution. These paradigms were perceived as immutable and beyond doubt, providing a solid foundation for interpreting the historical process and personal development. During the transition to the postmodern period, there was a radical revision of these provisions. Repetitive patterns have displaced the sequence of development, disintegration has displaced the unity of representation, and the diversity of interpretations has shaken faith in the only true world order. Chronology has lost its status as an independent reality and transformed into a constructed reality that allows for reinterpretation and decomposition based on the specifics of circumstances and the observer's point of view.

Keywords: society, being, social philosophy, time, man.

Аннотация: Существование человека организуется через сложную сеть хронологических параметров, которые претерпевали кардинальные переосмысления на всём протяжении развития философского дискурса. Движение от унифицированных воззрений классического периода к вариативным моделям нашей эпохи обнажает драматические переориентации в интерпретации сущности бытия. Досовременный философский период выработал жёсткие парадигмы для осмысления хронологии, основанные на принципах последовательности, сетях взаимозависимостей и универсальными закономерностями эволюции. Данные парадигмы воспринимались как непреложные и не подлежащие сомнению, обеспечивая твёрдую основу для интерпретации исторического процесса и личностного становления. При переходе в постсовременный период произошел радикальный пересмотр этих положений. Повторяющиеся паттерны потеснили последовательность развития, дезинтеграция вытеснила единство представления, разные толкования расшатали веру в единственно верный миропорядок. Хронология утратила статус независимой данности и трансформировалась в сконструированную реальность, допускающую переосмысление и разложение исходя из специфики обстоятельств и точки зрения наблюдателя.

Ключевые слова: общество, бытие, социальная философия, время, человек.

Человеческое бытие разворачивается сквозь многоплановую структуру временных измерений, которые претерпели значительные трансформации на протяжении истории философской мысли. Путь от фундаментальных представлений классической традиции к плюралистичным концепциям современности отражает глубокие сдвиги в понимании природы существования [1].

В классической парадигме время предстаёт упорядоченной последовательностью мгновений, в которой человек занимает подчинённую позицию. Модернистские подходы расширили это видение, признав активную роль субъекта в конструировании собственного временного опыта. Однако постмодернистская перспектива кардинально переосмыслила саму возможность унифицированного восприятия времени, предложив взамен фрагментарность, нелинейность и множествен-

ность одновременно сосуществующих хронологических реальностей [8]. Такая эволюция обнажает противоречивость современного человеческого положения. Мы одновременно связаны наследием прошлого, захвачены мгновением настоящего и неопределённо ориентированы на возможные будущие состояния. Это создаёт уникальное напряжение между стремлением к смыслу и признанием его изначальной ускользаемости в контексте постмодерной действительности.

Категория грядущего актуальна как для естественно-научного, так и для социально-гуманитарного научного арсенала. Однако её практическое приложение варьируется в зависимости от мировоззренческих ориентиров исследователя. Постмодернистская традиция, рассматриваемая в культурологическом ракурсе, в первую очередь задействует социально-гуманитарную интер-

претацию этой категории. Таким образом, постмодернизм, воспроизводя логику культурного развития, одновременно оспаривает установки модернизма и отчасти воскрешает досовременные способы понимания действительности.

Фундаментом философской мысли служило убеждение в объективности психического начала, религиозно интерпретируемого как божественная субстанция, предшествующая материальному миру. Содержательное наполнение такого понимаемого психического – от сенсорных впечатлений до абстрактного мышления воспроизводит материальную реальность предметов. Классическое выражение этот подход получил в древнегреческом платонизме как множество разумных существ материализуют трансцендентную иерархию умопостижимых идей, составляющую упорядоченное целое универсума [2, 6]. Такая парадигма обусловила то, что в древние времена и на заре средневекового периода природные процессы неизменно получали социально-гуманитарное толкование. Скажем, механическое передвижение предметов трактовалось как целенаправленное, их взаимодействие раскрывалось через понятия «любви-вражды», ответственности, полезности и прочие социальные категории. В финальном отрывке аристотелевской «Физики», где рассматривается источник движения объектов, прямо упоминается о нематериальной причине: «первый двигатель вызывает вечное движение в бесконечности времён... он неделим, лишён частей и величины» [2, с. 262]. По сути, телеологический механизм – вот что, по мнению Аристотеля, приводит тела в движение, поскольку целевая причинность в природе предполагает действие высшей силы. Столетия спустя церковный мыслитель Василий Великий, развивая эту концепцию, высказал мысль: «мироздание представляет творческое созидание... и в нём раскрывается разумность его Создателя» [4]. Подобное отношение к природным явлениям было органично для мировоззрения, укоренённого в традиции. Источники такого мировоззрения восходят к архаическому мифологическому сознанию, которое по природе своей антропоморфно и наделяет человеческими качествами всё окружающее.

Идеология модернизма, возникающая в Европе на закате Средневековья, вступает в противостояние с этим наивным мифотворчеством. Конфликт этот носит, в свою очередь, религиозную окраску, что ярко проявилось в одном из острейших споров эпохи – дискуссии между реалистами и номиналистами, что приходится на XI–XII века.

Номиналисты, утвердившие в философском лексиконе концепцию модерна, доводят монотеистическое учение до своего логического завершения, то есть акцентируют внимание на индивидуальности Божественного начала. Божественная личность не универсальна, как

миропонимание платонизирующих мыслителей древности и христианства, а исключительно своеобразна. Безграничная, выходящая за пределы человеческого разума воля Творца делает Его замыслы непостижимыми для сотворённых разумных существ. Природные явления, порождаемые Богом, могут обладать определённым назначением поскольку они суть результат сверхъестественного деяния, а не закономерного процесса. Однако этот божественный замысел становится принципиально недостижим для человеческого понимания [3, 6]. Человеку остаётся лишь выдвигать гипотезы относительно наблюдаемых им явлений.

Новая онтологическая схема модерна, в отличие от средневекового наследия, переворачивает соотношение материального и духовного начал, трансформируя при этом сущность последнего. Материальный объективный мир получает приоритет и преломляется в субъективных понятиях человеческого разума. Понижение метафизического значения духовного начала создавало условия для становления современного естествознания начиная с XVI столетия. Его методология базируется на построении учёными бесстрастных, не содержащих элементов очеловечивания предположений о закономерностях природы и их экспериментальной проверке. В философской традиции XVII–XIX веков эта парадигма получила выражение в деистических и материалистических системах, в том числе в историческом материализме. Закономерно и то, что в живописи нового времени доминирует воспроизведение видимого мира – проявление натуралистического мировоззрения, расцвет жанровых сцен, интерьеров, точное воплощение моментов человеческого бытия. Здесь царствуют ясность композиции, логическая упорядоченность, чёткие причинно-следственные цепи, линейная перспектива и виртуозность исполнения.

Схожая по масштабам трансформация произошла и в осмыслении временных категорий. В традиционном мировоззрении человек, обладавший доступом к сакральному знанию, ясно представлял финальное назначение универсума, к которому устремлялись все сущности. Грядущее, таким образом, было ему открыто и по существу совпадало с должным порядком; будущее подлежало воспоминанию. Эта логика питала процветающий жанр пророчества: от личной судьбы вплоть до мировых катаклизмов (апокалиптических видений).

В модернистской системе сохранялась объективность времени из наследия традиции, однако духовный смысл исчез и временной поток в естественном мире утратил свою универсальную гуманитарную размерность. Время в философии классического модерна – скажем, в произведениях И. Ньютона – рассматривается как параметр закономерного хода природных процессов, в которых человеческое присутствие совершенно несущественно.

В эпоху XIX–XXI столетий на культурной арене появляется постмодернистский феномен. И, как отмечалось ранее в настоящем исследовании, грядущее снова приобретает отчётливый социально-гуманитарный смысловой пласт. Это происходит вследствие того, что в постмодернистском синкретизме, помимо прочих характеристик, коренится своеобразная онтологическая позиция, чуждая как древним воззрениям, так и новоевропейскому мышлению. А именно: психика и вещество обретают субъективный статус. Такое положение дел непосредственно указывает на интеллектуальные корни постмодернизма, поскольку данная концепция в развёрнутом виде была выдвинута И. Кантом. Напомним: учение прусского философа обозначается (с известными оговорками) субъективным идеализмом ввиду того, что материальная действительность предстаёт в нём как творение человеческого разума. Отсюда следует кантовский парадокс в теории познания: «мы постигаем в (вещественных) предметах только то, что внесено в них нами самими» [5, с. 88].

Поскольку человеческая деятельность по своей природе целенаправленна, порождаемый его мышлением материальный универсум должен обладать антропологическим характером. Наряду с природным бытием этот характер должен распространяться и на временное измерение. Но здесь возникает острая философская проблема: что понимается под «человеческим началом»? Ведь, согласно Канту, коренной вопрос философского знания, на который ищут ответ онтология, этика и теология, звучит как: «в чём суть человеческого существа»? [5, с. 280]. Данное затруднение особенно явно выступает в «Критике способности суждения», где Кёнигсбергский мыслитель развивает учение о целесообразности природных процессов. Он приходит к формулировке: «целесообразное без определённой цели». Этот кантовский оксюморон косвенно намекает на наличие некоей цели в природном мироустройстве, однако её содержание остаётся принципиально недоступным. Причина кроется в том, что, по Канту, наряду с материальным миром, конструируемым индивидуальным мышлением, существует иная – действительная, то есть независимая от сознания – реальность. Эта область – царство «вещей самих по себе» – принципиально скрыта. И. Кант, исповедовавший протестантскую веру, призывает принять трансцендентную природу этого скрытого мира на основе доверия, а доверие в протестантской традиции выступает главным аргументом божественного бытия [5].

Кантовское наследие имплицитно пронизывает смысловой фундамент постмодернистской парадигмы современности. Единственным, но существенным онтологическим нововведением выступает переакцентировка на социальной размерности человеческого бытия, вследствие чего и ментальность, и материальность дополнительно обретают интересубъективное содержание:

природное начало интегрируется в культурный контекст. В результате в философских школах новейшей эпохи (позитивизм, экзистенциализм) формируется тенденция к поиску универсальных связей между категорией сущего и феноменом языка как центрального механизма социализации. Однако с позиций постмодернистского миропонимания признание того факта, что существует аутентичная, однако принципиально недоступная познанию действительность, в конечном счёте девальвирует все культурные артефакты (мировоззренческие системы, повествовательные структуры, знаковые комплексы и т. п.). Ибо эти явления функционируют как, по существу, лишённые объективного основания социальные комбинации.

Показательный пример в постнеклассическом научном знании – практический подрыв статуса истины, обнаруживающийся в настоянии на проверяемости теоретических положений и систематическом обращении к эмпирическому опыту. В современной философской мысли аналогичный процесс развёртывается через принцип деструкции текстуальности вплоть до отвлечённого скопления символов. Что касается художественной сферы, постмодернизм предлагает многообразные бессюжетные, фрагментарные произведения живописи (супрематизм, сюрреализм и др.), алогичные стихотворения и прозаические описания, театр парадокса и, наконец, «беспорядок вместо гармонии». По этому поводу рецензенты справедливо констатировали, что это «отступление от канонов в оперном жанре произрастает из того же пласта, что и ... нарушение норм в изобразительном искусстве, в словесности, в научном знании» [9, 10].

Один из ранних постмодернистских программных документов – «Манифест Дадаизма» – преднамеренно играет с ассоциациями детского лепета уже в самом названии. «Слово «да-да» репрезентирует наиболее элементарное отношение к феноменальному миру ... действительность предстаёт как одновременная какофония звуков, колористических оттенков и пульсирующих ритмов» [11]. Младенец в манифесте выступает символом прямого контакта с бытием. Речь идёт о призыве к человеку вернуться в архаическое состояние, предшествующее культурной социализации, когда сенсорный поток ещё не подвергнут фильтрации культурными парадигмами в материальные объекты. Это требование несёт в себе этическое измерение, поскольку побуждает индивида избавиться от внушённых обществом предубеждений (вероисповедных, сословных, национальных, идеологических, гендерных, прочих) и актуализировать свои творческие способности [11]. Что же касается генезиса самого потока ощущений в психике, здесь вновь плодотворно обратиться к философской системе И. Канта. Существует объективная, однако недоступная познанию сфера множественности «вещей самих по себе», и в глубинах человеческого существа коренится одна из них, в чём и заключается трудность дефинирования категории «чело-

век». Эта интимная «вещь в себе» – точка пересечения с истинным бытием [5]. Она функционирует подобно «чёрной дыре» в психическом поле, связывающей различные измерения реальности и на границе события, которой порождаются чувственные впечатления. Если принять во внимание священные подтексты кантовской философии, сохранившиеся в скрытом виде в постмодернистских парадигмах, то конструирование материального универсума в разуме, по всей видимости, направлено целью. Это обуславливает необычное восприятие временности. Заметим, что постмодернизм – явление многоплановое, в значительной степени синкретичное. Отдельные его проявления воспроизводят инерцию доминирующих традиций и модернистского миропонимания в том или ином нетрадиционном модусе. В таких конфигурациях, несмотря на их периферийный статус, временной поток обладает объективностью и движется по стандартной траектории – от минувшего к грядущему.

Постмодернизм как многогранное явление частично наследует модернистские и традиционные подходы, сохраняя объективность времени и его движение от прошлого к будущему. Однако в направлениях, опирающихся на субъективность ментального и материального, а также на непостижимость объективной реальности, время приобретает субъективный характер. Оно разворачивается в обратном направлении — от будущего к

прошлому. В этом контексте непредсказуемое будущее определяет известное прошлое, что перекликается с идеями М. Хайдеггера о «первоисточнике времени в будущем» и Ж.-П. Сартра о «преобладании существования над сущностью» [7, 10].

Таким образом, вопрос о восприятии и переживании времени в жизни людей претерпел кардинальные изменения на протяжении истории мысли. От традиционных философских концепций к современным интерпретациям развернулась полная переоценка того, как мы понимаем длительность, последовательность и значимость временных процессов. Классическая эпоха предложила устойчивые схемы осмысления времени, опираясь на линейность, причинно-следственные связи и универсальные законы развития. Эти модели казались абсолютными и неоспоримыми, предоставляя надёжный фундамент для понимания истории и индивидуального опыта. С наступлением постсовременной эпохи произошла фундаментальная переоценка этих постулатов. Циклические структуры вытеснили линейность, фрагментация заменила целостность, множественность перспектив подорвала идею универсального порядка. Время перестало восприниматься как объективный континуум и стало рассматриваться как конструкт, подлежащий переинтерпретации и деконструкции в зависимости от контекста и позиции субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. – 314 с.
2. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М., 1981. – 613 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. – 294 с.
4. Василий Великий. Беседы на Шестоднев. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/ (дата обращения 15.03.2026).
5. Кант В. Критика чистого разума // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. – С. 69-756.
6. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Вопросы философии. 1995. № 1. – С. 25-39.
7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. – С. 169-183.
8. Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа // Человек. 1994. № 2. – С. 85-97.
9. Тугаринов В.П. Личность и общество. М., 1965. – 284 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. – 503 с.
11. Хюльзенбек Р. Дадаистский манифест 1918 г. // Крещатик. № 3. 2012. – С. 85-96.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»